

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

TERRA PHANTASIA

Все произошло очень быстро.

Крафт еще бежал что есть силы по откосу вниз, а один из них уже лежал на траве навзничь, другой же, склонившись, вглядывался в лицо своей жертвы с выражением, в котором не было ничего, кроме любопытства.

— Вы арестованы! — крикнул Крафт, подбегая.

Незнакомец и не думал скрываться. Он медленно обернулся, равнодушно скользнул взглядом по напряженной фигуре Крафта и зажатому в его руке браунингу.

Крафт потрогал у лежащего пульс, с минуту прислушивался к жуткой тишине в его грудной клетке, наконец спросил сурово:

— Почему вы убили этого человека?

— Тут две неправды сразу, — сухо ответил незнакомец. — Я не убил его, и вряд ли он человек.

Носком ботинка он дотронулся до лба убитого, потом, поколебавшись, присел, вынул нечто вроде циркуля и быстро измерил несколько расстояний на его лице, пробормотав при этом:

— Ну, конечно. Лицевой угол почти не изменился.

Крафт не торопил арестованного. С любопытством наблюдал он, как тот развернул ладонь убитого, внимательно всмотрелся в нее, несколько раз оттянув большой палец, потом встал, аккуратно отряхнул колени и с кривой усмешкой сказал, обращаясь к убитому:

— До скорой встречи.

Крафт узнавал черты лица два встречавшейся ему редкой формы мгновенного умоступления, в которое впадает преступник тотчас после убийства — если смерть еще не стала его ремеслом. Это помутнение рассудка быстро сменяется прояснением, когда преступник оказывается во власти бурного и самого искреннего раскаяния.

Убийца, однако, не обнаруживал ни малейших признаков раскаяния. Усталый и бледный, он утратил, казалось, всякий интерес к своей жертве и погрузился в размышления. Потом прервал молчание и посоветовал Крафту не хлопотать насчет охраны трупа.

— Все равно через час его здесь не будет, — сказал он и вяло взмахнул рукой. — Впрочем, как знаете.

Этот час им пришлось провести у трупа вдвоем. Крафт ждал, когда хоть кто-нибудь появится на дороге, но место было безлюдное. Оба сидели молча, причем убийца — спиной к месту преступления, а Крафт глаз не сводил с трупа — он никогда не пренебрегал предостережениями, сорвавшимися с губ самих преступников. Момент, в который Крафт обнаружил, что труп, лежащий в двух метрах от него, исчез, и даже трава на этом месте не примята, принес с собой одно из самых сильных потрясений в его жизни. Он хотел броситься к ближайшим кустам, но вовремя одумался. Кусты были не ближе, чем в ста метрах. Убийца сидел на прежнем месте совсем неподвижно, не обнаружив никакого интереса к тому, что произошло за его спиной. Осталось предположить, что труп поглотила земля.

По прошествии пяти минут Крафт был вполне подготовлен к тому, чтобы молча последовать за преступником, спокойно пригласившим его к себе. Крафт плелся сзади, тупо поглядывая на высокую фигуру идущего впереди. За всю дорогу не было сказано ни слова. В небольшом двухэтажном доме, в кабинете, легко выдававшем антропологические интересы хозяина, Крафт сел в глубокое кресло, а тот — на кожаный диван, бесильно откинувшись на спинку.

— Вы, как я вижу, поняли, что арестовывать меня бессмысленно, — сказал убийца. — Не ждите от меня объяснений по поводу дела. Право, оно не стоит длинного разговора, и я не за тем пригласил вас. Я хочу обратиться к вам с просьбой. Завтра меня здесь не будет. К сожалению, я не могу взять с собой свои рукописи. Но мне хотелось бы сохранить их. В свое время я дважды обращался с такой просьбой. Но оба раза бумаги мои потом так и не отыскались. Сколько вам лет, простите мой вопрос?

Крафту еще не было тридцати восьми и это, видимо, вполне устроило

собеседника, с виду еще более молодого. Он коротко пояснил, что надеется прийти за рукописью не раньше, чем через тридцать лет, а может быть и позже, что ее содержание — антропологические изыскания, которые он, к глубокому своему горю, не успел довести до конца, хотя еще недавно надеялся на это. Он понимает, каким странным выглядит его поведение, однако просит верить, что он отнюдь не преступник, что там, у реки, он защищал свою жизнь и самое главное — не сделал ничего плохого тому, кого Крафт видел убитым.

В последующие недели Крафт был занят главным образом тем, что десятки раз на дню задавал себе один и тот же вопрос: как мог он, человек, состоящий на государственной службе, спокойно предоставить возможность побега опасному преступнику, да еще взять у него на хранение бумаги? И все это лишь потому, что преступнику удалось скрыть или уничтожить труп каким-то еще неизвестным криминалистике способом!

Шум, вызванный одновременным исчезновением из города двух людей, скоро улегся, их дела легли в архив. Никто не узнал, что Крафт накануне был в доме одного из исчезнувших. Никто никогда не задавал ему никаких вопросов. Однако сам свидетель преступления счел свою честь запятнанной и в тот же год ушел из полиции.

У него образовалось много досуга. Неудивительно, что в конце концов Крафт обратился к рукописям человека, сообщником которого он стал по собственной воле. В тот день на вопрос Крафта об имени незнакомец ответил: «Я называю себя Фэст»*.

Бумаги и имя, и то вряд ли подлинное, — теперь это было все, что осталось Крафту от человека, так резко изменившего его судьбу.

Бумаги содержали подробные и доскональные исследования, основанные на огромном количестве фактов. Нет смысла подробно рассказывать о том, как с годами Крафт все глубже и глубже уходил в область антропологии и смежных наук и как для него стало, наконец, очевидным, что исследования Фэста были уникальны. Их автор полностью оставил в стороне материал раскопок и всевозможных находок в пещерах Старого и Нового Света. Он пользовался какими-то иными, одному ему известными данными, которые дали ему возможность возвести стройное здание смелых догадок об эволюции человека за 50 тысяч лет. Строго говоря, это была уже не антропология, а нечто близкое к науке о человеке в целом. Крафта особенно поражала равная свобода автора в описании быта и пещерных людей и европейцев эпохи Возрождения. Жесты, походка, низкий отрывистый смех женщин эпохи неолита были описаны с такой непринужденной осведомленностью, которая пристала разве что их современнику. Многие страницы были написаны как бы пером блестящего романиста.

То, что специалисту показалось бы в лучшем случае непозволительным верхоглядством, совсем в другом свете представилось Крафту. Особенное внимание к второстепенным деталям, не раз приносившее ему успех в расследовании темных дел, пришло на помощь и здесь, в малоизвестной для него области. Крафт решился, наконец, сделать чудовищное допущение и пошел по следу.

Надо было заняться биографией Фэста. В архиве полиции сведений оказалось достаточно. Фэст был врач с очень ограниченной практикой. Он появился в городе пять лет назад. За все пять лет ни разу не покидал города. У него не было ни жены, ни детей. Круг знакомых его был ограничен. Он передвигался по городу только пешком.

Среди этих фактов один обратил на себя сугубое внимание Крафта. Почему этот хорошо обеспеченный человек, имеющий много свободного времени, никуда не ездил? Крафт занялся кропотливой реконструкцией его маршрутов в черте города и пришел к любопытным выводам. Перемещения Фэста внутри города укладывались в четкий прямоугольник, одной из сторон которого была долина окаймлявшей город с запада реки, у которой они когда-то встретились над безжизненным

* От английского «first» — первый.

телом. Расстояние между северной и южной сторонами не превышало двух километров. Фэст никогда не бывал на южной окраине города. Город был для этого человека своеобразной тюрьмой, в которую он был заключен своей собственной или неведомо чьей волей.

Тайна разрасталась, и смутно брезжащая разгадка пугала Крафта своей невероятностью. В архиве полиции он отыскал еще три дела «об исчезновении жителя города». Самое давнее из них было заведено 150 лет назад. Обстоятельства всех трех дел были сходны. Люди исчезали ночью, без вещей, и никто никогда их не видел более. Крафт нашел много общего и в незначительных по видимости подробностях этих дел. Он мог бы поставить сто против одного, что исчезало всякий раз одно и то же лицо. Когда странная гипотеза была разработана Крафтом почти до конца, началась история с планетой Нерендой, надолго захватившая его, а потом и другие дела, до отказа заполнившие последующие двадцать лет его жизни.

За эти годы город изменился. На месте дома Фэста давно уже был городской бассейн. Крафт тоже дважды сменил жилье.

К старости Крафт особенно полюбил небольшой, но уютный бар, выстроенный лет десять назад в долине реки в хорошо памятном ему месте. Кроме хорошего пива, которое там подавали, и недурного названия — «На краю света» — было еще одно притягательное для Крафта обстоятельство: если бы Фэсту действительно вздумалось появиться еще раз в их городе, то, по гипотезе Крафта, он должен был появиться именно здесь.

Так и случилось однажды. В тихий октябрьский вечер Фэст возник на пороге бара внезапно, будто вышел из стены. Он нерешительно топтался у двери, оглядываясь кругом, как бы не в силах решить, в какую сторону надлежит ему сделать первый шаг.

Несмотря на свои 67 лет, Крафт сохранял не только ясность ума, но и силу духа. Ему понадобилось не много времени, чтобы справиться с собой. В сущности, он увидел то, что и ожидал, — Фэст нимало не изменился за истекшие тридцать лет. Крафт махнул ему рукой, и Фэст направился к его столику, пристально всматриваясь в Крафта.

— Это вы, дорогой друг, — сказал он тихо. — Случайно ли я застал вас здесь или вы ожидали меня?

— Я ждал вас, — твердо сказал Крафт. — Я ждал, что вы расскажете мне все и снимете, наконец, этот груз с моей души. Ваши рукописи целы. Как видите, я стар, мне не прожить долго, и плата, которую я требую у вас, право, не так уж велика.

— Я тоже стар, — сказал Фэст, — и путь мой тоже кончается. Мне было бы печально уйти навсегда, никому не рассказав о себе. Не буду многословным. Все может быть выражено двумя словами. Вы конечны во времени, а я конечен в пространстве, вот и все.

Спокойные серые глаза Фэста глянули на Крафта, и Крафт, бледнея, кивнул ему головой.

— Во времени мой путь в прошлом — гораздо длиннее вашего, а в будущем — бесконечен. В пространстве — он много короче вашего. Так же, как вы, я неуклонно приближаюсь к уничтожению — к тому, что вы называете смертью.

— Там, за рекой? — спросил Крафт, и Фэст кивнул ему.

— Да, наверно это произойдет там. Во всяком случае, не дальше, чем за башнями старой городской заставы. Их мне не пережить — так же, как вам, вероятнее всего, не пережить столетнего возраста. Мне осталось метров триста в длину и пятьдесят в ширину. Правда, время всегда течет плавно, и самый несчастный ваш день тянется ровно столько часов, сколько любой другой, а пространство порою сжимается рывками. Неожиданно видишь, что его осталось меньше, чем ты рассчитывал.

— И что вы делаете тогда?

— Ухожу в другое время. Сдерживать сокращение пространства я не могу, как вы не в силах сдержать бег времени. Но вам дано удлинять свою жизнь за счет пространства. «Он прожил не одну, а добрый десяток жизней», — говорите вы о человеке, поколесившем по земле. К тому же в запасе у вас и другие планеты. Я же «удлиняю» свою жизнь за счет времени. Я прожил бесчисленное количество жизней, но все они уместились на маленьком пятке земли, за который мне никогда не суждено вырваться.

Оглушенный всем этим, Крафт не сразу сумел прервать молчание. Он спросил, далеки ли бывают путешествия Фэста.

— Как угодно далеки, — отвечал Фэст. — Можно вернуться и в свое прежнее время — «постаревшее» ровно на столько лет, сколько я прожил в другом времени, — и еще застать живыми знакомых людей... Но обычно я не делаю этого. Однажды, вернувшись слишком рано, — но все же позже, чем сейчас, — я успел увидеть больную и дряхлую старуху. Я любил ее когда-то и у нас была дочь. Мне пришлось встретиться и с дочерью. Это была красивая женщина, по виду старше меня лет на пятнадцать. Когда нас познакомили, она сказала, что я ей напоминаю ее отца, который был так же красив и элегантен. И я, признаться, был рад, что моя Элан не забыла меня совсем.

— Но неужели вас никогда не узнавали? Ведь вы могли бы снова оказаться в кругу своих родных, близких...

Фэст улыбнулся.

— Об этом смешно и говорить. Кто же нынче верит в чудеса? Сопоставление даже самых выразительных, самых очевидных фактов едва ли может кого-либо завести так далеко, как рискуете заходить вы, дорогой Крафт. Вы первый известный мне человек, прямо взглянувший в глаза очевидному, как бы оно ни противоречило общепринятому. О каких близких вы говорите, дорогой друг? Что бы сказали в нашем городе о сравнительно молодом человеке, который остановил бы сейчас на улице всеми уважаемого доктора Вернье, наверно, уже отметившего свое семидесятипятилетие, и, тряся старика за согбенные плечи, стал уверять его, что он, Вернье, — сын этого молокососа?..

— Далекое прошлое? Бог с ним, — снова заговорил Фэст. — Признаться, меня трясет от одной мысли вновь оказаться среди ваших пращуров, увидеть вновь пещеры и гигантские деревья вот здесь, на месте города, который за последние несколько веков стал почти моим... Нет, меня не тянет назад. Единственное, чего я желал бы — это вновь оказаться в войске великого Цезаря. Но и то мне, наверно, было бы грустно теперь сражаться против галлов, — улыбнулся Фэст.

Они сидели у окна, и Фэст поглядывал в сторону старых башен точ в точ с тем выражением, с каким пожилые люди поглядывают в сторону кладбища. Острая жалость к этому человеку, по-видимому, единственному ровеснику человечества, сокрушала Крафта. Его собственная жизнь показалась ему вдруг вовсе ничтожной рядом с человеком, вынесшим на своих плечах все тяготы, сопровождавшие жизнь бесчисленных поколений, сменивших друг друга за ушедшие тысячелетия. Крафт начинал уже понимать, что в том, что жизнь Фэста измерялась не годами, а десятками метров, было мало утешительного.

— Говард, Пелье и Фослер, исчезнувшие в свое время из города, — это были вы? — спросил Крафт.

— Да, я, — ответил Фэст спокойно, — и каждый раз не совсем по своей воле. Меня подстерегают свои опасности. Я говорил уже, что так же, как вы, я не свободен от случайности. Например, однажды, кажется, в начале прошлого века, я имел неосторожность взять экипаж. Дом, куда я спешил, стоял на давно уже пройденной мною точке. Но возница был пьян и промчал меня вперед метров на десять — на расстояние, которое весьма существенно сократило мою жизнь. Попытаться остановить экипаж не было времени. Я выскочил на полном ходу, отделавшись переломом ноги. С тех пор я никогда не езджу. Это оказалось для меня слишком дорогим удовольствием. Но настоящий враг у меня только один.

— Не тот ли, с которым вы схватились тогда у реки?

— Да, это был он, Сэксанд. Он такой же, как я, но между нами одно отличие. Он появился позже меня и с некоторыми поправками, сближающими его с родом человеческим. Как вы не знаете, что стряется с вами завтра, так и он не знает, что стряется с ним на следующем метре пространства и в какое время он будет заброшен. Какая-то посторонняя сила управляет им, неожиданно вырывая его из времени по собственному произволу. Ему, конечно, гораздо легче, чем мне. Ему не надо с а м о м у принимать решение уйти от близких тем же людям в другое время, где найдешь, быть может, пустыню или горы трупов на знакомом месте. Но этот идиот полагает, что самому управлять временем — огромное благо, которого он незаслуженно лишен. В тот раз он кинулся на меня неожиданно и потащил к реке. Ему удалось отнять у меня пять метров жизни, и мне сразу пришлось уходить. Не знаю, зачем ему это было нужно. Он не мог не узнать меня. Мы редко встречаемся, но узнаем друг друга с первого взгляда.

— Куда же он исчез тогда?

— Мой удар отправил его в другое время, вот и все. Быть может, сейчас он — на этом же самом месте, с нашими прапраправнуками.

Крафт вздрогнул и окинул взглядом опустевший бар. На мгновение ему померещились силуэты этих еще не родившихся людей, молча разместившихся тут же, неподалеку от них.

— Может быть и другое, — сказал Фэст, и темная тень легла на его лицо. — Он путешествует по времени и вперед и назад. В тот раз он, видимо, вернулся из далекого прошлого. Вы не можете представить себе, как ужасно было увидеть на обычном европейском лице страшный оскал неандертальца. Тогда я и ударил его...

— Как все это ужасно, — тихо проговорил Крафт. — Вас только двое, и вы — враги, да еще вынужденные встречаться.

— Что делать? Мы с Сэксандом оказались на одном и том же пространстве, вы живете со своими врагами в одном и том же времени. Все это не так уж важно. Ужасно другое — постоянное ощущение конечности пространства, беспрестанное приближение к конечной точке, те жалкие десятки метров, которые мне остались...

Крафт решился, наконец, задать последний вопрос.

— Вы тоже боитесь смерти?

Фэст опустил голову.

— Но разве вы знаете о ней что-нибудь?

— Ничего.

— Я всегда думал, что страх смерти рожден тем, что мы о ней знаем.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал Фэст взволнованно. — Я сам кромсал трупы и хорошо представляю себе, как выглядит человек, окончивший свой путь во времени. Но страшно даже помыслить о том, что будет со мною, когда не останется больше пространства...

Бар уже запирали, и они вышли на воздух. У дома Крафта они распрощались. Фэст взял часть своих рукописей и ушел в надежде снять дом в этот же вечер и на завтра вновь встретиться с Крафтом.

Крафт долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал о том, какое счастье выпало ему. Остаток дней он проведет в беседах с человеком, повидавшим такое, что не записано еще ни в каких книгах земли.

Наутро Фэст не пришел. К обеду Крафт вышел из дому и, купив одну из утренних газет, сразу увидел сообщение о неизвестном молодом человеке, который проходил вчера вечером по одной из улиц северной части города и был сбит экипажем. Возница подобрал пострадавшего (тот потерял сознание) и повез через весь город в больницу. Когда экипаж остановился у ее подъезда, в нем никого не было. Тщательный осмотр местности ничего не дал. Удалось обнаружить лишь окровавленную папку бумаг с рисунками костей и черепов, очевидно, принадлежавшую потерпевшему. Тело ее владельца, по-видимому, свалилось с моста в реку и было унесено течением.

Крафт вздрогнул и снял шляпу. Он понял, что Первый из людей окончил свой путь.